

«Generation “П”»

Выход важных произведений искусства часто сопровождался критикой, иногда — судебными процессами (как с «Мадам Бовари» Флобера и «Цветами зла» Бодлера, вызвавшими негодование публики своим натурализмом и оскорблением нравственности). Но случалось и наоборот: полное невнимание современников, как, скажем, в случае с английским поэтом Уильямом Блейком, которого коллеги-романтики ни в грош не ставили, а на знамена подняли только несколько поколений спустя.

Бывало и так, что сам автор оставался страшно недоволен результатом, считал его безвкусным компромиссом, как был разочарован режиссер Жан-Люк Годар своим фильмом «Презрение» (1963) или Вуди Аллен — «Манхэттен» (1979), а публика такой взгляд совсем не разделяла, вынося как раз эти компромиссные работы в топ.

В пелевинском наследии «Generation “П”» выделяется как раз таким меняющимся статусом.

Никакой

С одной стороны, «Поколение» — одно из самых известных произведений Пелевина, которое выдержало множество переизданий и принесло автору всенародную славу и финансовое благополучие. По данным Книжной палаты, которым

у нас нет оснований не доверять, больше чем за десять лет суммарный тираж книги составил 360 тысяч экземпляров. Не зря из всего корпуса текстов режиссер Виктор Гинзбург выбрал для экранизации именно его — картина «Generation “П”» вышла в 2011 году (см. «Пи в квадрате»).

В то же время сложно представить другую пелевинскую книгу, которая вызывала бы столько упреков и критики.

«“Generation “П” — это несколько бестолковое повествование, которое, несмотря на то что оно временами то “глючит”, то “зависает”, читать все же занимательно. Жанр? Антиутопия не антиутопия. Сатира не сатира. Да, в общем-то, и неважно. Язык? Язык с точки зрения адептов “качественной” прозы — никакой. Это язык нынешнего “нового журнализма” — не без изящества, не без наблюдательности, не без бойкости и даже виртуозности, не без пронизательных и парадоксальных обобщений...»

Это Лев Рубинштейн в статье «Когда же придет настоящий “П”?» в «Итогах» в 1999 году. Ему Пелевин, в принципе, не очень-то по душе. А вот другая цитата: «“Generation “П” написан привычно скуп, но непривычно небрежно. Когда автор хочет что-то похвалить, будь то “толстая ручка” или “узкие лацканы”, он пишет “невероятно”. Всякий раз, когда ему не хватает эпитетов, он обходится без них: “какое-то невыносимо тяжелое знание”, “какое-то восхитительное обещание как бы обрывалось в небе”. От распада языка пострадала вся конструкция романа — его структура не выдерживает замысла. Хотя сюжету выламывают руки, он отказывается тащить читателя к необязательной развязке. Отчасти этому мешает обилие деталей. Вся книга заросла лесом каламбуров»¹⁸.

И далее: «Пелевин за десять лет буйной работы помог вернуть отечественную словесность лицом к XXI веку. Он

¹⁸ Лев Рубинштейн. Когда же придет настоящий «П»? // Итоги. 1999. № 17. 26 апреля.

¹⁹ Александр Генис. «Феномен Пелевина» // Общая газета. 1999. № 19.

²⁰ Москвина Т. Вольно! // Сеанс. 2006. № 27–28.

вернул книгу брезгливо отвалившемуся от нее читателю, завладел интернетовской молодежью, обозлил отечественных критиков, привлек внимание сонного Запада, написал три тома сочинений и все еще не добрался до сорока. «Generation “П” — его первая осечка. Этот написанный по инерции роман — повод для остановки. Следующую книгу стоит писать лишь тогда, когда она обещает стать непохожей на предыдущие». Это уже Александр Генис в программной статье «Феномен Пелевина»¹⁹. Следует отметить, что он большой поклонник пелевинского таланта.

По мнению Сергея Москалева, всякая пелевинская книга отражает его тогдашний круг общения, и это отчасти объясняет коллизию с «Чапаевым» и «Поколением». «Почему он ничего выше “Чапаева” сделать не может? Потому что тогда он “летал” по сливкам российского эзотерического андеграунда, ядерные были люди, — считает Москалев. — А ко времени написания “Generation “П” стал тусоваться с рекламнобомондными, стал ходить по приемам, к послам, атташе».

Б.Б.

Что это за «послы и атташе»? Каких-то обширных свидетельств погружения Пелевина в новый мир российского бомонда девяностых годов нам найти не удалось. За исключением разве что того факта, что одним из корректоров «Generation “П”» обозначен Сергей Лисовский — создатель одной из первых в Советском Союзе продюсерских компаний «ЛИС’С» и крупнейший рекламщик девяностых. (Это, впрочем, может быть шуткой или простым совпадением. Мало ли на свете корректоров по имени Сергей Лисовский.)

Также имеется указание на встречу Пелевина с олигархом, а впоследствии политэмигрантом Борисом Березовским. Она

произошла в 1998 году в помещении верхнего буфета Театра имени Моссовета после спектакля «Горе от ума», где Олег Меньшиков, режиссер-постановщик и исполнитель главной роли в этом спектакле, праздновал свой день рождения.

«Березовский был таким же, как на экране телевизора, — маленький, аутичный, кажущийся печальным, ничего не излучающий, — пишет критик Татьяна Москвина. — Он поблагодарил Меньшикова за доставленное сегодня удовольствие. “Я даже не заснул, как обычно, — признался олигарх. — Вы, Олег, унесите нас в прекрасное, фантастическое царство, где мы забываем, насколько мерзка жизнь... — Тут Березовский саркастически и скорбно засмеялся: — Вы даже не представляете, насколько она мерзкая, эта жизнь...” И он выдержал хорошую артистическую паузу, чтобы мы представили, насколько жизнь мерзка»²⁰.

По словам Москвиной, на встрече присутствовал и Пелевин. «Автор “Чапаева и Пустоты” держал Меньшикова за руки и, почему-то поминутно целуя его то в левую, то в правую щеку, пытался рассказать буддийскую притчу про ад цветных металлов, который предназначен специально для актеров, — вспоминает Москвина. — А Борис Абрамович сказал тост в честь артиста, запомнившийся, кстати, Пелевину, потому что тот вставил кое-что из этого текста в свой роман “Поколение “П”».

Слова Березовского про эскапизм и мерзкую жизнь вошли в роман практически *verbatim*, без изменений. За ангажированно подготовленный сюжет с участием Березовского и Салмана Радуева герой «Поколения», начинающий пиар-технолог, получает неофициальную премию.

Запершись в кабинке, Татарский распихал пачки банкнот по карманам — он никогда еще не видел такой кучи денег одновременно.

Разорвав конверты на мелкие клочки, он бросил обрывки в унитаз. Из одного конверта выпала записка — поймав ее в воздухе, Татарский прочитал:

«Ребята! Спасибо вам огромное, что иногда позволяете жить параллельной жизнью. Без этого настоящая была бы настолько мерзка!

Удачи в делах,

Б.Б.» Generation «П»

Мелафон

Проблема «Generation “П”» вряд ли была в смене круга общения, даже если эта смена и произошла: Бунин ходил на приемы и написал «Темные аллеи». Подавляющее большинство бездарей никуда не ходят, но ничего особенного предложить читателю тоже не смогли. «Логико-философский трактат» основателя аналитической философии Людвиг Витгенштейна был написан в окопах Первой мировой, а «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста — в пробковой комнате, и что с того?

У рок-групп существует понятие «комплекс второго альбома». Вышла дебютная пластинка: успех, гастролы, восторженные рецензии, критики приветствуют приход новой «Нирваны», как Белинский приветствовал «нового Гоголя». Гонорары растут квантовыми скачками, поклонницы атакуют гостиничные номера, Элтон Джон зовет к себе на вечеринку. И тут пора бы уже выпустить второй альбом. Который когда-нибудь обязательно выходит и оказывается — кто бы мог подумать? — похожим на первый, только хуже. Субъективно хуже, потому что объективно он может быть ровно таким же, только вот публика уже хочет другого.

Пелевин дебютировал в конце 1980-х, до «Чапаева и Пустоты» он успел выпустить две крупные вещи и пару дюжин рассказов, но все равно в определенном смысле «Чапаев» был

его дебютом. Для страны, для русских читателей от Камчатки до Калининграда, включая и многих литературных критиков, «Generation “П”» стал тем самым «вторым альбомом», про который уже принято говорить, что автор исписался, что раньше было лучше, что мы надеялись, а он не справился. «Generation “П”» был следующим романом после, наверное, крупнейшей пелевинской удачи за всю жизнь. После «Чапаева» от Пелевина естественным образом ждали продолжения успеха, повторения непарного события, которого быть просто не могло.

Параллели с «Чапаевым» в «Поколении» найти нетрудно.

Во-первых, обилие культов и философских концепций эзотерического плана. В обеих книгах миром управляет тайное общество, никому и ничему нельзя верить, включая собственные глаза. Все иллюзорно. Создается иллюзия в голове Котовского или в недрах Института пчеловодства — это уже детали.

Во-вторых, ситуация бурлящей нестабильности и скачущих социальных лифтов. Постреволюционная советская Россия и постперестроечная Россия в «Чапаеве», постреформенная, но не сильно успокоившаяся Россия в «Generation “П”». Оружие и опасности и там и там.

В-третьих, кокаин как признак случайного, шального достатка.

В-четвертых, в принципе характерный для Пелевина (а заодно и для доброй половины голливудских фильмов, созданных в каноне «волшебной сказки») образ инициации простодушного. Путь героя (а с ним и читателя) составляют перипетии, то есть переходы от незнания к знанию. Это распространенный, но не повсеместно используемый прием.

Наконец, в-пятых, главный герой — такое же альтер эго писателя, каким был Петька. Теперь это молодой образованный человек в новых неожиданных обстоятельствах, интеллигент на службе иных сил, предатель цеховой морали

²¹ Кочеткова Н. Виктор Пелевин. Главный писатель России — полковничья должность, а я лейтенант запаса // Известия. 2005. 3 ноября.

ради неизведанного, в погоне за кантовским ноуменом, в поисках разгадки.

Как сказал сам писатель в интервью Наталье Кочетковой, опубликованном в «Известиях», Вавилен «появился на свет» в эссе «Имена олигархов на карте родины», подписанном Татарским²¹.

Это эссе, вышедшее в «Новой газете» 19 октября 1998 года, является классическим свифтовским «скромным предложением». Чтобы привлечь внимание к вопросу, автор доводит ситуацию до абсурда. Джонатан Свифт, писавший свой памфлет в голодные времена в XVIII веке, предлагал узаконить продажу детей ирландских бедняков в пищу англичанам. Пелевин предлагает закрепить за олигархами шефство в населенных пунктах, созвучных их фамилиям, то есть ввести крепостное право в мягкой форме — пора, мол, «и о народе подумать» (воплощать фантазии писателя в жизнь российская власть стала спустя всего два года: олигарха Романа Абрамовича, например, прикрепили к Чукотке, сделав губернатором).

Вернее, предлагает не Пелевин, а В. Татарский, главный научный сотрудник межбанковского комитета по информационным технологиям, как следует из подписи под текстом. По смыслу все верно. «Имена олигархов» — пиар-продукт, достойный Вавилена Татарского. А появился он на свет в то время, когда Пелевин работал над «Generation “П”».

Вавилену Татарскому суждено было стать для корпуса текстов Пелевина сквозным персонажем, связывающим между собой разные пелевинские вещи.

— А правда, — спросил он, — что ты с самим Татарским работал?

Малюта перекрестился.

— Первый учитель, — сказал он. — Всем худшим в душе обязан ему.

Числа (2003)

- ...Вот, например, вчера вечером я наступил политтехнологу Татарскому. Слышала про такого?
- Слышала. Он что, умер?
- Зачем. Забормотал во сне и перевернулся на другой бок. Я его всухую замочил. Священная книга оборотня (2004)

Татарский встречается в «Числах» (2003), в «Священной книге оборотня» (2004) и на вампирском балу в электронной «неофициальной» версии «Empire “V”», гуляющей по интернету (2006) (см. «Empire “V”»).

Но Татарский все же не Петька и тем более не Василий Иванович. Те, кто знал Пелевина по «Чапаеву», несколько расстроились, получив в качестве продолжения «Generation “П”». Но зато те, кто знакомился с Пелевиным впервые, оказались в восторге.

«Generation “П”» стал по-настоящему народным романом. Его растаскали на цитаты. В обиход продвинутых пользователей, проводящих всю жизнь в интернет-сообществах, оттачивая остроумие, вошел «мелафедон» — слово на иврите, обозначающее огурец и входившее в самодельную мантру ОМ МЕЛАФЕФОН БВА КХА ША («дайте мне соленый огурец»). Теперь мелафедоном можно назвать не только огурец, но и то, что его напоминает по форме.

Мелафедон проник и на страницы «Ананасной воды для прекрасной дамы», выпущенной больше чем десятилетие спустя. Один из героев, Семен Левитан, описывает свое житье в Израиле: «Недавно вот симпатичный юноша попросил огурца на хорошем иврите. Так я дал — разве ж мне жалко». Для Пелевина характерна подобная интертекстуальность и зарифмованность текстов между собой.

К числу афористичных находок-мемов в «Generation “П”» относятся: телевизор как «маленькое прозрачное окошко

в трубе духовного мусоропровода», «Солидный Господь для солидных господ», «телевизионно-бурильная установка», а также реклама Coca Cola — «Сие есть кровь Моя» (которая одновременно рифмуется с пелевинским же постгребенщиковским «Будвейзер Господа моего» и московской выставкой «Запретное искусство-2006», которая была осуществлена через несколько лет после выхода романа и вызвала скандал в религиозных кругах, организаторы даже были признаны виновными в разжигании религиозной розни и заплатили штраф, а грозило им и вовсе лишение свободы до пяти лет).

И наконец, часто цитируемое и, может быть, самое удачное: «Антирусский заговор, безусловно, существует — проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России».

Пожалуй, в «Generation “П”» еще сильнее, чем в «Чапаеве», проявился характерный талант Пелевина, позволяющий ему выдавать емкие и запоминающиеся формулировки. Прodelывать работу, которую до него совершали Грибоедов и авторы, скажем, «Бриллиантовой руки», то есть создавать шум времени, обжигать кирпичи любой беседы, выпекать афоризмы, что нас всех переживут.

Одна из наработок Пелевина прошла успешную проверку в условиях рыночной экономики. Талант копирайтера Татарского оценили во внелитературной реальности.

От Архангельска до Колы

В 2005 году завод «Дека» решил побороться за место на рынке прохладительных напитков, предложив более здоровую альтернативу заграничной коле — русский квас. Изначально его собирались назвать «Добрыня Никитич». Но создатели бренда вовремя вспомнили про «Generation “П”» и передумали.

Богатырскую марку разрабатывали полгода, но за полтора месяца до запуска линии «Добрыня» был заменен на «Николу». Слоган частично позаимствовали у писателя.

У Пелевина в «Generation “П”» возникает идея «не-колы» — «7Up — The Uncola». Кроме того, упоминается и сам Никола в слогане: «Спрайт — не кола для Николы». «Дека» выпустила свой квас под слоганом: «Квас не кола, пей “Николу”». Сходство и идеи, и формы налицо.

Что не отрицали и на самом заводе. «Слоган “Квас не кола, пей “Николу”!» навеян произведением “Generation “П” Виктора Пелевина, — признавался в интервью газете “Деловой Петербург” Никита Волков, директор по маркетингу “Деки”. — Мы зарегистрировали наш товарный знак в марте, и все права на него принадлежат нам. Все время хотим поблагодарить Пелевина, но контактов нет»²².

Производители якобы пытались выйти на Пелевина, чтобы выкупить у него права на слоган, но не достигли успеха. Поэтому решили использовать его на свой страх и риск. Тем более юристы пришли к выводу, что писателю доказать «плагиат» в суде будет крайне затруднительно: фраза не зарегистрирована им в качестве товарного знака, к тому же слоган видоизменен. Возможную победу истца в суде юристы оценили не выше чем в десять процентов.

Чтобы обезопасить себя от возможных исков, компания даже подстраховалась и заказала филологическое заключение, в котором указано, что связи между «Николой» со слоганом из книги не больше, чем с народной пословицей «От Архангельска до Колы — тридцать три Николы» (Кола в данном случае — уездный северный город).

Квас «Никола» появился в продаже весной 2005 года и активно рекламировался по телевидению. Правда, вскоре идея получила развитие и «пелевинский» слоган уступил новым:

«Всякой химии бойкот! Пей “Никола” круглый год!» и «Нет коланизации! Квас — здоровье нации!».

Впрочем, и новые слоганы эксплуатировали все ту же пелевинскую идею не-колы. По данным исследовательской компании «Бизнес-Аналитика», в 2007 году квас «Никола» занял четверть российского рынка кваса, став вторым по популярности после «Очаково». Так креатив Вавилена Татарского, а вместе с ним и самого Виктора Пелевина прошел проверку боем.